

**КОНЦЕПТ «ЗРЕНИЕ» В ЯПОНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ
РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ
(путевые «Очерки из кругосветного плавания»
А. В. Вышеславцева
и «Ветка сакуры» В. В. Овчинникова)**

А. А. Ёлкина

Статья посвящена анализу художественного концепта «зрение» в литературе путешествий на основе антитезы «свой – чужой» в «Очерках пером и карандашом из кругосветного плавания» А. В. Вышеславцева и «Ветке сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)» В. В. Овчинникова.

Ключевые слова: *имагология, свой – чужой, Россия, Япония, В. В. Овчинников, А. В. Вышеславцев, концепт.*

Интерес к путешествиям и дальним странам впервые отразился в русской литературе в жанре «хождения», который первоначально был связан исключительно с описанием паломничеств. Позднее жанр трансформировался в путевые очерки и дневники путешествий. Все увиденное и услышанное тщательно фиксировалось и становилось известно широкой аудитории.

Постепенно цель путешествий в другие страны меняется, на первый план выходит дипломатия, экспедиции ведутся с целью торговли и установления мирных договоров. С середины XIX века популярность приобретает Япония. Все еще оставаясь на тот момент страной, в которую практически невозможно было попасть (Рестаурация Мэйдзи 1868 года изменила судьбу Японии, открыв для иностранцев двери в недоступный до этих пор «запертой ларец с потерянным ключом») [14, с. 82], русские путешественники и первопроходцы одними из первых начинают налаживать дипломатические контакты, тем самым приподнимая занавес тайны. Также и Всемирная выставка в Париже в 1867 году [6], и в дальнейшем Русско-японская война 1904–

1905 гг. и множество других событий все больше подогревали интерес к этой стране как в позитивном, так и в негативном плане.

Литература путешествий подразумевает, в первую очередь, сравнение и анализ чужих реалий на основе антитезы «свой – чужой». «Это противопоставление в разных видах описывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, народного, массового, национального мироощущения», – пишет Ю. С. Степанов [15, с. 126]. В этом случае стоит обратиться к художественному концепту «зрение», важной составляющей этой категории и любых путевых очерков, чтобы проследить эволюцию визуальных впечатлений от раннего путевого текста к современному.

Понятие «концептосфера» тесно связано не только с лингвистикой, но и с литературоведением, где «концепт» как понятие определяется в более широком смысле. Здесь мы имеем дело с концептом художественным или, по-другому, литературным, который несколько отличается от основной идеи. Если в лингвистике понятие «концепт» определяется как «единица коллективного знания / сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой» [1, с. 70], то «художественный концепт», как утверждает В. З. Демьянков, – «это инструмент, позволяющий рассмотреть в единстве художественный мир произведения и национальный мир. Вводя концепт как единицу анализа, литературоведение получает возможность включить образную ткань произведения в общенациональную ассоциативно-вербальную сеть» [5, с. 47]. Стоит отметить, что «именно в произведении концепт получает статус художественного. Как элемент художественной философии он реализуется в произведении, с одной стороны, как выражение авторского мышления, а с другой – самодостаточной системы со своими законами, над которой автор уже не властен. Соответственно, и художественный концепт здесь реализуется неоднозначно: он формирует художественный мир произведения и видоизменяется им. Концепт основывает концептосферу произведения на уровне смысла, заложенного художником, передавая ум, дух, мысль автора», – пишет С. С. Неретина [10, с. 54].

Анализировать художественный концепт «зрение» мы будем на раннем и более позднем путевом материале, что необходимо для бо-

лее глубокого понимания его трансформации. Это «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» А. В. Вышеславцева (1862) и «Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)» В. В. Овчинникова (1970), их разделяет столетие, однако вместе с тем тексты схожи как опыты популяризации японской культуры.

Вначале необходимо охарактеризовать изменения в трактовке понятия «зрение». По В. И. Далю, *зреть* означает «глядеть, смотреть, видеть; понимать, постигать; обращаться лицом куда-л.» [4, с. 694]. С. И. Ожегов же трактует *зрение* как «одно из внешних чувств человека и животного, органом которого является глаз; способность видеть; точка зрения на кого (что) чьё-н. мнение о ком-чём-н., взгляд» [12, с. 468]. Как можно заметить, спустя век семантическое поле данного слова расширилось и к физиологической составляющей («зреть = видеть») добавилась ментальная – мнение («зрение = точка зрения»), играющее ключевую роль в литературе путешествий, о которой дальше пойдет речь. В литературной среде концепт «зрение» можно определить скорее как «визуальное мнение», нежели просто «точка зрения».

Своё «визуальное мнение» о Японии одним из первых наравне с И. А. Гончаровым [7; 8; 13; 14] начал формировать русский путешественник и литератор Алексей Владимирович Вышеславцев. В середине XIX века он совершает кругосветное плавание на клипере «Пластун» и корвете «Новик» [3], которое длится три года. Во время путешествия он целый год провел у берегов Японии, успев не только оставить об этой стране путевые дневниковые записи, но и сделать серию карандашных рисунков. Вскоре по возвращении в Петербург (1860–1861) в печати появились письма А. В. Вышеславцева из Японии. Такой материал он предложил журналу «Русский вестник». Информация об интересном авторе, об эксклюзивном материале кругосветного путешествия быстро распространилась среди издателей Петербурга [9].

А. В. Вышеславцеву в Японии оказывается интересно все: культура, история, наука, религия, обычаи и традиции. К описанию каждого из аспектов он подходит очень серьезно, с присущей ему педантичностью дает точную характеристику всему увиденному, каждый раз сопровождая подробной исторической справкой. Все это представ-

ляет собой бесценный материал, благодаря которому читатель может познакомиться с Японией того времени не только с визуальной, но и с исторической точки зрения.

Вышеславцев – любопытный зритель, который пытается все увиденное «чужое» проанализировать и переосмыслить через «свое» русское миропонимание. Вот как он описывает один из обрядов на улицах древней Канагавы: «Ходя по улицам <...>, я встретил какую-то странную церемонию, значение которой я никак не мог себе объяснить. Впереди шла молодая, очень красивая женщина с распущенной косой; ее сопровождала целая толпа женщин, старух, детей и мужчин. Несмотря на участие и видимое сожаление, которое выказывали сопровождавшие, она была весела и с каким-то самодовольствием влекла за собою, как будто чарами своей красоты, разнообразную толпу. <...> как раз сделаешь заключение, вроде того, что в России, в деревнях и в городах часто видишь виселицы, и что там живут маленькие люди с одной ногой, называемые *maltchiki*. Но зачем объяснение, – удовольствуйтесь картиной, которая меня остановила и была в самом деле очень любопытна». Путешественник показывает и дипломатическую сторону жителей, и дает оценку японскому «тихому и смиренному» характеру, тонко подмечая, что «этот такт <...> нигде не оставляет японца, где бы вы ни встретили его», но в то же время «это впечатление приличности ведет малознакомых с японцами к ложным заключениям» [2, с. 300]. Удивительно, что Вышеславцев смог в какой-то степени предсказать будущее развитие японского государства и определить его историческую судьбу: «...видят в них народ с великим будущим, замечательные способности и т. п., но эта сдержанность, выражающаяся приличием, не есть залог будущей силы, а только следствие постоянных колодок, в которых исконно находился этот народ» [Там же].

Автор путевых очерков останавливает свое внимание на устройстве японского государства, объясняя читателю, на какие княжества разделяется страна, какие князья стоят у власти, когда и во время правления какого микадо произошли первые контакты с европейцами, появление христианства и гонения на христиан. Также он даёт подробную характеристику главному управленческому органу власти – государственному совету.

Описание политической жизни страны, ее управленческого аппарата, – несомненно, важная задача для Вышеславцева, путешествие которого в своем роде носило дипломатический характер. Интересно, что, начиная с фактического описания вещей или событий, автор в дальнейшем углубляется в философию и историю появления того или иного действия, пытаясь постигнуть суть японской души, лучше понять мысли этих людей для более успешного дипломатического взаимодействия. Описание принципа работы государственного совета также сопровождается подробной характеристикой наказания за несогласие тайкуна (сёгуна) с мнением советников – смертная казнь через харакири. Вышеславцев в своём очерке и этому обряду уделяет достаточное внимание: «Хара-кири значит “счастливое разлучение”. Так как в Японии казнь налагает на семейство преступника стыд, и имение подвергается конфискации, то всякий порядочный японец, совершив преступление, достойное казни, должен избавиться от нея самоубийством» [Там же, с. 308]. Вообще тема обрядов и традиций проходит красной нитью через путевые заметки Вышеславцева о Японии, что показывает некий интерес автора именно к этой стороне культуры чужого народа – самобытной, уникальной и первородной, ведь именно через обрядовость можно постараться познать загадочную суть души «другого».

Стоит сказать и о том, как путешественник старается познать японский характер через детали и отношение японцев к ним, но в то же время стараясь проанализировать увиденное через «своё». Вышеславцев заостряет внимание на таких моментах, как особенности церемонии чаепития в Японии и России, убранство и расположение кухни в русских и японских домах, являющееся диаметрально противоположным во всем – от места в доме до степени аккуратности ведения хозяйства: «У нас обыкновенно комнаты для гостей выходят на улицу, а кухня помещается где-нибудь сзади. У японцев, напротив, сначала кухня со всею своею стряпней, впрочем, чрезвычайно опрятною» [Там же, с. 311]. Внимание японцев к деталям тоже не обходит путешественника стороной. Японцы могут сотворить шедевр абсолютно из всего, и «они не лишены художественного понимания вещей», «...очень немного надо, чтобы между ними <японцами> процвело искусство»

[Там же, с. 357], – пишет путешественник. Японцы обладают тонким вкусом, в отличие от тех же китайцев [Там же, с. 342] или русских, для которых эта черта пока остается не совсем понятной и чуждой. Любовь к мелочам видна как в сервировке обеда, когда «...умеют красиво расставить свои фарфоры и лаковые вещи на столах <...> самые кушанья более красивы, нежели вкусны» [Там же], так и в образе жизни и в умении жить. «Нужно иметь вкус и даже умение жить. Все это и есть у японцев», – подчеркивает дипломат [Там же, с. 368].

Особое место в очерках уделено религии (в отличие от Вышеславцева, в очерках других исследователей этот аспект освещен весьма противоречиво): «Очень трудно составить себе представление о японской религии; японцы неохотно говорят о ней, а европейские писатели часто рассказывают совершенно противоречащие вещи» [Там же, с. 367]. Обилие исторических справок о японском религиозном характере дает понять, что Вышеславцеву важно познать эту тайну самому и донести правду до других. Важно, что он не прибегает к сравнению с религией европейской или русской, а старается вникнуть в исконно-японскую обрядовую сущность синто и буддизма, владеет терминологией и, вполне возможно, редкими историческими источниками [Там же, с. 317].

Петербургцы высоко оценили яркое описание жизни малоизвестного народа. Вышеславцев постарался в своих «Очерках» разрушить принятое в Западной Европе клише разделения народов на развитые и неразвитые. Он писал о богатейшей внутренней жизни японцев, которую европейцы просто не знали. Полемический текст «Очерков» был снабжен комментариями по поводу новейших научных открытий и гипотез. Автор подчеркивал, что нередко европейские «гладко построенные» гипотезы мирового развития рассыпаются при столкновении с действительностью (например, гипотеза европейца Ф. Зибольда о религиозности японцев [Там же, с. 319]).

По оценке М. Соловьева, известного искусствоведа того времени, А. В. Вышеславцев «первым из русских обратил должное внимание на оригинальное и высокое искусство японцев. <...> Братья Гонкуры приписывают открытие Японии себе – для художников-импрессионистов и для парижских модисток. Однако это случилось гораздо

позже. <...> Вышеславцев первый привез в Европу образцы японской живописи и альбомы. <...> Однако оценить в России их не смогли. Ждали, по европейскому обычаю, сигнала из Франции» (цит. по: [9]).

Чуть больше ста лет отделяют японские путевые очерки А. В. Вышеславцева от знаменитой книги «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы» В. В. Овчинникова, советского и российского журналиста, писателя и публициста, востоковеда. В ней он затрагивает вопросы политики, культуры, искусства, истории Японского государства. Книга входит в цикл заметок о Японии, но именно на ней стоит остановиться подробнее, чтобы проследить, как менялось мировоззрение русских в отношении Японии.

В. В. Овчинников, несомненно, знаком с японской культурой гораздо лучше, нежели первые путешественники, открывшие когда-то эту страну для остального мира. Интересно, что в своей книге публицист постоянно ссылается на других исследователей Японии – старых и новых, стараясь смотреть на каждый из анализируемых аспектов не только глазами современника.

Спустя век Японское государство предстает уже не закрытым, а туристическим, Овчинников ведет свое повествование скорее как турист, описывая Страну восходящего солнца как часть популярной культуры. 1970-е в Японии – начало развития туризма, культурных обменов, активного влияния Запада. И оказывается вполне естественным, что современный автор задается уже совершенно другими вопросами и обращает свое внимание уже на иные вещи. Овчинников – поэт, словесный художник, который описывает живописные японские виды, словно картинку на почтовой открытке: «Япония – это страна зеленых гор и морских заливов; страна живописнейших панорам. В отличие от ярких красок Средиземноморья, которое лежит примерно на таких же широтах, ландшафты Японии составлены из мягких тонов, приглушенных влажностью воздуха. Эту сдержанную гамму могут временно нарушать лишь какие-нибудь сезонные краски. Например, весеннее цветение азалий или пламенеющие осенью листья кленов. Здесь порой думаешь, что не только художники, но и сама натура – сосны на прибрежных скалах, зеркальная мозаика рисовых полей, сумрачные вулканические озера – следует общепри-

нятым в этой стране канонам красоты» [11, с. 18]. К слову сказать, у Вышеславцева эту роль играют его собственные рисунки.

Однако с течением времени влияние индустриализации и западной культуры достигло лавинообразных масштабов, многие начали бить тревогу по поводу сохранности исконно японской культуры, в их среде оказался и Всеволод Овчинников. Журналист в книге часто говорит о том, что страна теряет свою самобытность, уникальность и прежнюю эстетику древности: образ Японии, сложившийся у иностранцев благодаря альбомам с гравюрами Хиросигэ и Хокусая, впоследствии перенесенный на японские рекламные афиши и открытки, начинает постепенно исчезать под влиянием глобализации: «Кажется, что хаос заводских труб, прокопченных стен и железнодорожных путей похоронил под собою подлинную, традиционную Японию. Убедившись, что образ, сложившийся по открыткам и рекламным календарям, довольно далек от реальности, иностранец вслед за этим задается вопросом: насколько же в самом деле осовременилась Япония и насколько живуче ее прошлое? То есть в какой именно пропорции сочетается в облике страны сегодняшний день со вчерашним?» [Там же, с. 9]. Журналист постоянно проводит параллели между старой Японией и новой, между пожилым поколением и молодёжью, между мифами о сотворении страны и реальностью. В какой-то степени визуальное в его трудах соотносится с историческим прошлым, а «в облике Японии сегодняшний день полностью заслонил вчерашний, незримое присутствие прошлого сказывается донныне. Словно камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами» [Там же]. «Падкая на крайности западной моды» [Там же, с. 7] молодёжь Японии отходит от нравов старшего поколения, но только до определенного момента – свадьбы, когда «верность заветам старины проявляется в покорности родительской воле» [Там же]. Здесь категория «свой – чужой» проявляется не только в культурном, но и во временном ключе.

В.В. Овчинников и А.В. Вышеславцев затронули тему японского характера и описали его суть практически одинаково. Вышеславцев говорит о том, что «у японцев нет правды и душевной чистоты», что «они все лжецы» [2, с. 339], Овчинников также подмечает двой-

ственность, когда «...не понять, как могут совмещаться в японском характере совершенно противоположные черты: церемонность и учтивость в домашней обстановке с грубостью на улице; жесткость правил поведения с распушенностью нравов; скромность с самонадеянностью» [11, с. 10], а «японская учтивость оказывается всего лишь областью личных отношений» [Там же, с. 9], суть которой нельзя постигнуть, но нужно просто принять. Но если Вышеславцев накладывает «визуальное другое», на западную модель сознания, указывая на важность душевного подвига и честности в жизни каждого человека, то Овчинникову важно найти и отметить исторические предпосылки такого поведения. Несмотря на такую негативную коннотацию в описании характера японцев, и Вышеславцев, и Овчинников восхищаются этой нацией и отмечают у них невероятное трудолюбие, любовь к деталям и тонкий вкус, который стал для них «неписаным законом» [Там же, с. 37].

Если Овчинников описывает стремительно меняющуюся Японию глазами обычного туриста, то Вышеславцев, скорее, видит Японию страной, с которой необходимо наладить дружеские, политические и торговые связи. Однако для него экономическая выгода пока не стоит на первом месте, «чужак» еще не узнан и плохо изучен, неизвестно, что можно получить от этого народа и его странных обычаев, которые никак не соотносятся с западным миропониманием.

Для А. В. Вышеславцева понимание и сравнение «иного» возможно только через «свое», и никак иначе. Согласно П. Рикеру, «я», «свое» осмысливается «только опосредованно, окольными путями, через различные культурные знаки всех видов, которые озвучиваются на основе символических медитаций» [16, р. 198]. В. В. Овчинников рассматривает Японию через коллективный поп-культурный взгляд и мифологию, которая оказывается для этой страны естественной и неизменной. Этот взгляд на Японию к середине XX века оказывается практически полностью сформированным, понятийная модель «чужого» базируется на проверенном веками материале. «Чуждое» уже не кажется «чужим», а воспринимается как устоявшееся и в какой-то мере «свое».

Япония у Вышеславцева еще неизведанная, и из-за несформированности коллективного взгляда страна воспринимается именно как

«чужое». Отдельные научные труды и ошибочные представления некоторых исследователей не способствовали на тот момент созданию и осмыслению полного образа Страны восходящего солнца. Визуальные впечатления в «Очерках» оказываются заведомо вторичными, на первый план выходят впечатления политические. Япония XX века у Овчинникова предстает уже визуально яркой, зрительные ощущения оказываются важнее и выходят на первый план. Удивительно, что предсказанные А. В. Вышеславцевым большой потенциал и великое будущее Японии позже стали смысловыми доминантами в «Ветке сакуры» В. В. Овчинникова.

В целом путевые очерки как одна из моделей описания путешествий способствуют созданию национально-художественной картины мира с помощью визуального и понятийного аппарата. Через визуальное «чужое» происходит переосмысление ментального «своего». Оба автора – и писатели, и художники, но у А. В. Вышеславцева концепт «зрение» важен как проявление *наблюдательности* с целью фиксации необычного, у В. В. Овчинникова реализован взгляд с позиции поп-культуры, а это означает подбор типических деталей, и «зрение» здесь оказывается *вниманием* к типическому.

Хотя способы описания «чуждого» у журналистов разные, но цель написания у А. В. Вышеславцева и В. В. Овчинникова единая – популяризация неизвестного, разрушение стереотипов и познание «иного».

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плаванья в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1867. 599 с.
3. Вышеславцев Алексей Владимирович. [Электронный ресурс] // Википедия. URL: http://cijouhttps://ru.wikipedia.org/wiki/Вышеславцев,_Алексей_Владимирович (дата обращения 15.09.2019).

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1955. 710 с.
5. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
6. Ёлкина А. А. «Японизм» во французской живописи и «японская серия» В. Верещагина // Репутация и идентичность в русской и французской культурах: Сб. статей. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 140–161.
7. Краснощекова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Acta Slavica Japonica. Т. 11. / The Slavic Research Center, Hokkaido University. Sapporo, 1993. P. 106–124.
8. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
9. Медик, писатель, художник, путешественник [Электронный ресурс] // Япония: Japan. URL: <http://japan.aikiclub.ru/culture/av.asp> (дата обращения 15.09.2019).
10. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
11. Овчинников В. В. Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. М.: АСТ, 1970. 244 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
13. Плужникова Ю. А. Актуальные проблемы изучения творчества И. А. Гончарова (на материале зарубежных исследований) // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2008. № 3 (43). С. 6–9.
14. Савада К. «Запертой ларец с потерянным ключом»: И. А. Гончаров в Японии // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. 9 / Московский городской пед. ун-т. М., 2014. С. 82–98.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2004. 991 с.
16. Ricoeur P. Narrative Identity // On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation. Lnd.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 188–199.